

ЮБИЛЕЙ

"Где-то на белом свете, там, где всегда..."

Ну, или почти всегда. Как ни позовишь, приятный женский голос общается: они во Франции. Вот уже почти 25 лет Александр Зацепин живет на две страны. И не перестает удивляться обоим.

— Александр Сергеевич, кто же отвечает на звонки: личный секретарь, домработница?

— Это подруга моей жены, ее телефон я указал в Союзе кинематографистов. Сами-то мы в Москве бываем не часто, а эта женщина может сказать: они приедут тогда-то.

— А во Франции, где у вас, как мне сказали, квартира и загородный дом, имеются садовник, личный повар, домашняя прислуга?

— Повара нет. А садовник действительно есть — сосед. Рядом с нами живет семья, муж с женой — примерно моего возраста, очень милые люди. Вот мы уедем, они цветы у нас поливают. А зять их косит нам траву, за садом ухаживает. У нас все-таки участок большой — 30 соток, пруд свой имеется. В саду 20 плодовых деревьев: груши, сливы, черешня. А этот парень работает при муниципалитете, следит за газонами. А между делом, кстати, пишет картины маслом... Французы вообще люди добрые, хорошие, всегда тебе помогут. Я иду с сумкой, поставлю ее на асфальт — тут же какой-нибудь мужчина: дайте я вам помогу. В дверях тебя всегда пропустият первым...

— Вы во Франции уже больше 20 лет. И до сих пор этому удивляетесь?

— Нет, я удивляюсь до сих пор, когда здесь тебя отталкивают, чтобы прошмыгнуть первым. Сейчас хоть иногда стали придерживать двери в метро, и это радует. Там-то, во Франции, всегда придерживают. Только спускаешься по ступенечкам, уже видишь: человек держит дверь и ждет тебя. А у нас... Ну вот, например, в последний мой приезд пригласили меня на юбилей жены Гайдая, Гребешковой Нины. Сказали: "Зайди в Дом кино — там на проходной будут приглашенные билеты". Прихожу: у входа две женщины разговаривают. "Извините, — говорю, — билет у вас можно взять?" — "Вы что, не видите — я разговариваю?" — "Но может, вы два часа будете разговаривать". — "Ну что вы хотите?" Я говорю: "Пригласительный билет". — "Это напротив". Напротив стоит женщина, обратился к ней. "Фамилия?" — "Гребешкова". — "Ваша фамилия? Много вас тут ходит, я уже устала". И вот на целый день настроение испорчено. Неприятно: в свою страну приезжаешь, тебя еще и облают.

— Зато на родном языке. А во Франции поговорить по-русски, по душам есть с кем?

— Рядом — дом моей хорошей знакомой, замечательной переводчицы Маргариты Лурье. Не так далеко живет Сережа Прокофьев, внук знаменитого композитора. Еще один человек — Миша Холдхоер. Его прадед, швед, служил в русской армии, остался в России. А Миша — он, в общем-то, уже русский, но с пяти лет живет в Париже. А еще в двух километрах от нас совершенно случайно нашелся какой-то Смирнофф.

— Русские там держатся друг друга?

— Все-таки помогают больше, чем здесь. Здесь в основном друг другу все враги.

— Ну а французы ничем не раздражают? При всей их вежливости, все равно ведь чужие?

— В какой-то степени да. Не всегда понятен их менталитет. Вот даже мой французский друг Ален говорит: "Знаешь, у меня самые хорошие друзья — русские. А французы эгоисты все". Это его слова. "Я, — говорит, — болел два месяца, ты ко мне приезжал три раза. А французы позвонили лишь однажды, и все".

— Ну и чего там делать? Среди, как сказал бы обыватель, "сытых, всегда вежливых, но бесчувственных французов"?

— Но я же кустарь-одиночка. Ведь как раньше, когда с Гайдаем работал: взял у него сценарий, написал какие-то эскизы — и в Рузу, в дом творчества. Будем считать, что Руза — это Франция. До Рузы полтора часа на машине, до Парижа — три часа на самолете. Не такая уж большая разница.

"Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь"

Низкий поклон Никите Богословскому. Если бы он тогда не поспорился с Гайдаем, не знали бы мы ни "про медведя", ни "про зайцев", ни про "остров невезения". Однако многолетний кинороман режиссера и композитора совсем не походил на безоблачную идиллию. И грозные тучи не раз кружились над вулканом страстей.

— Когда вышла "Операция "Ы", вам было

— Мне для жизни нужен кислород, и еще работа. Одного кислорода маловато!

Десятки кинофильмов, большинство из которых стали популярнейших песен. Казалось бы, кто, как не он, достоин почивать на лаврах. Тем не менее ни минуты покоя. Александр Зацепин и в 80 не собирается жить одним лишь славным прошлым. "Есть только миг, за него и держись..." — как говорит знаменитый композитор, свою лучшую музыку он еще не написал.

ФРАНЦУЗСКИЙ

ПЛЕННИК

— Но народ запел все-таки "Про зайцев".

— А вы знаете, что там должны были быть другие слова? У Гайдая в сценарии было написано: "Никулин поет песню простого советского человека". Дербенев так и написал, что-то вроде: "...Пусть я пороха не выдумал и Америк не открыл вовек... Я — простой советский человек!" — "Кто же это будет петь?" — спрашиваю у Дербенева. "А что, — говорит, — Гайдай утвердил". — "А мы что, для Гайдая пишем? Мы пишем, чтобы народ запел. А это даже пьяный петь не будет".

— А еще судьба каких песен висела на волоске?

— Ну, "Медведи" могла не состояться — я ведь из "Кавказской пленницы" уходил практически.

— Из-за чего?

— Сначала мы записали песню, она называлась "Первый день календаря". Гайдай давал ее слушать знакомым, а потом объявил: 50% говорят, что им нравится, а 50% — ну так, ничего песня, но надо писать новую. И мне: "Пиши другую, мне нужно, чтобы пел народ". Я уехал в дом творчества города Иваново, пять мелодий написал, третья была как раз "Медведи". Послал ему в Адлер, где проходили съемки, написал: "Леня, я считаю, что третья — самая удачная. Ничего лучше я сделать не могу. Если не нравится, пригласи Арно Бабаджаняна, он тебе напишет". А в то время как раз очень популярна была его песня "Лучший город земли". Гайдай мне отвечает: "Да, третья песня ничего. Но я думаю, народ ее петь не будет. Я приглашу Бабаджаняна". Я написал заявление об уходе с картины, пошел к Пырьеву. Тот, ни слова не говоря, порвал мое заявление: "Немедленно поезжайте на место съемок и работайте там". Приехали мы с Дербеневым в Адлер. В гостинице встречаем Вицину и Никулина — те напевают: та-а-а, та-ра-ра-та-а та-ра. "Саша, да нам сразу песня понравилась, мы запомнили, а

Александр Зацепин — автор музыки ко многим популярным фильмам, в том числе почти ко всем комедиям Леонида Гайдая. Культовыми кар-

тинами с его музыкой стали "Кавказская пленница", "Бриллиантовая рука", "Иван Васильевич меняет профессию", "Земля Санникова", "Женщина, которая поет". Песни Александра Зацепина: "Есть только миг", "Куда уходит детство", "Волшебник-недоучка", "Песенка о медведях", "А нам все равно" — исполняли Алла Пугачева, Андрей Миронов, Юрий Никулин, Яак Йоала, София Ротару и другие звезды эстрады и кино.

Композитор Александр ЗАЦЕПИН:

"В Париже повара у меня нет, а вот садовник имеется"

он уперся, говорит: ну и что, что вы запомнили, мне надо, чтобы народ пел, вы же не народ, вы актеры". Гайдай был не в духе, увидев нас, пробурчал: "Зачем вы приехали?" Объясняю: так и так, Пырьев отправил. "А что мне Пырьев?..". В общем, настроение не самое приятное — хоть разговаривайся да уезжай. Но Гайдай стали все уговаривать. В конце концов он хлопнул дверью: "Ну пусть, пусть! Пусть Дербенев пишет слова".

— "Кто, не знаю, распускает слухи зря"

Вокруг женщины, которая поет, сплетен и легенд всегда было в избытке. В том числе — и сочиняемых ей лично. Одна из таких — о некоем молодом, талантливом и прикованном к постели композиторе по фамилии Горбонос (Горбоносом оказалась сама Алла Борисовна) — стала причиной разрыва между Зацепиным и Пугачевой. Жаль. Многие до сих пор уверены, что песни Зацепина — Дербенева — лучшее, что исполняла когда-либо Примадонна.

— С некоторыми авторами Пугачева связывали не только творческие отношения. У вас мог завязаться роман?

— Нет, как к женщине у меня не было к ней такой вот тяги, сексуальной, что ли. Она мне нравилась как исполнитель. Алла сразу все пела чисто, грамотно, никогда не ошибалась. Все певцы, когда

С Аллой Пугачевой.

записывались, обязательно перепевали куплеты по несколько раз — где-то протягивали дольше, где-то интонацию меняли. У нее точно было все с первого раза.

— Но почему же такая закономерность: практически все композиторы, подолгу работавшие с Пугачевой, с ней перессорились? Шаинский, Паулс, вы...

— Про них я не знаю.

— А вы так сильно обиделись на этого Горбоноса?

— Она поставила меня в глупое положение. Вот вы написали бы музыку, и вдруг у вас четыре песни вынимают и ставят какого-то Горбоноса. Без вашего на то согласия. В титрах фильма будет написано: "Музыка Зацепина и Горбоноса". А в Союзе композиторов могут сказать: Зацепин ко-го-то протаскивает. Или, не дай бог, что этот Горбонос платит мне деньги? И зачем мне это нужно? Если бы она сказала, что это ее песни, дело другое. А так — какой-то Горбонос, которого и знать-то никто не знает...

— И после этого — все, разошлись как в море корабли?

— Нет, как-то написал песню, встретился с Филлиппом, переписали. Прошел год. "Алла, — спрашиваю, — ну что, ты с этой песней что-то сделала?" — "Да нет, я сейчас не пою, мне не до этого, некогда". — "Ну так, может, я это как-то исполню?" — "Ну возьми, забирай". На этом кончилось.

— Второй такой музы не нашлось?

— Нет. Была еще Анциферова... Ну а потом... Паулс, например, не пишет песен. Тухманов — тоже: оперу сочиняет. Ну и я хочу уже балет написать. Песнями пусть молодые занимаются.

— Там живут несчастные люди-дикари"

Тухманов — в Германию, Журбин — в Штаты, Шаинский — в Израиль. Зацепин — во Францию. Массовый исход именитых советских композиторов с "острова невезения" не стал для них панацеей от всех бед. Все-таки "поэт в России больше чем поэт". Но Зацепин, похоже, ни о чем не жалеет.

— Американцы предложили тогда очень выгодный контракт, согласно которому каждый год я должен был писать по два диска и музыку к двум фильмам. Два года меня не выпускали. А потом начальник ОВИРа мне сказал: напиши "на постоянное жительство", тогда пустят.

— И вы написали. Ощущали тогда себя диссидентом?

— Я начал чувствовать это с того момента, как женился на французке. Вдруг на радио запретили мои песни. Я на радио — неизвестно, кто запретил. В Союз композиторов — нет, мы ничего не знаем. Нашел куратора из КГБ, приехал к нему на Лубянку. Спрашиваю: на каком основании? Он говорит: мы не давали такой команды, это кто-то у вас. Я до сих пор не знаю, откуда шел запрет, но, думаю, в Союзе композиторов перестраховались. Ведь из Союза композиторов меня тоже исключал сам Союз...

— За что?

— В 84-м я решил вернуться. С женой к тому времени мы уже разошлись, с работой во Франции как-то не заладилось. Одно время даже в Америку хотел перебраться. Знакомый режиссер, чех Войтех Ясны, друг Милоша Формана, поехал преподавать в Колумбийский университет, звал с собой. Но английский у влады не настолько хорошо, чтобы дискутировать с американскими студентами. Другой знакомый, из Нью-Йорка, предложил работать в муниципальном такси. Говорит: у меня сын этим занимается, он будет давать тебе самые хорошие поездки, неплохо будешь зарабатывать. "Во-первых, я Нью-Йорк не знаю", — говорю. "Ерунда, все очень просто. Поездим с тобой две ночи, я тебе все покажу". Подумал: ну что же я стану этим заниматься? Было бы мне лет двадцать, а так... В общем, 3 марта 1984 года пришел я в советское консульство, сказал: хочу вернуться. Мне говорят: пишите заявление, через два месяца придите, будет все в порядке. И заявление мое — в стол. Пришел я 3 мая — там сидит другой уже человек. Объяснил ему свою ситуацию, говорит: какие там два месяца, ваше дело год как минимум будет тянуться. Открывает ящик стола — там мое заявление, его никто куда и не посылал... А мне ведь в марте предлагали работу хорошую. Я отказался — думал, 3 мая уеду, что же я буду людям голову морочить. В общем, работы у меня нет. Хорошо еще, у друга жил — хотя бы крыша над головой была. Устроили меня по знакомству в какое-то кафе, где с одиннадцати вечера до семи утра нужен был тапер. Там я и играл. И заработал себе анемию Бишера — что-то там с кровью, не знаю, но вот поднимается, например, по ступенькам, пять шагов сделаю — ноги как свинцовые.

— Это из-за чего?

— Из-за хронического недосыпания. Днем я спать не мог. Люди, работавшие со мной, приходили домой в семь утра, ложились и спали до трех часов. А я просыпался в 12. Так и довел се-

бя. Потом полегал в больнице, поделали мне уколы — в общем, на ноги поставили... Да! И в это кафе как-то заглянул Никита Богословский, мне потом уже рассказали. Он зашел, увидел меня и убежал. Приехал в Союз композиторов, сказал: Зацепин играет в кафе, куда проститутки приходят. А он зачем приходил туда? Его-то кто просил? Ну а меня вот из Союза композиторов исключили...

"Если б я был султан, я б имел трех жен"

Последние 14 лет Александр Сергеевич счастливо женат третьим браком. Но отнюдь не от хорошей жизни Зацепин заделался эдаким султаном. Предыдущая супруга композитора — француженка Женевьева — бросила его ради прежнего любовника. А первая жена, с которой Зацепин прожил четверть века, скоропостижно скончалась.

— Конечно, это было очень тяжело. Мы с первой женой жили душа в душу, у нас дочь родилась. Но понимаете: горюй не горюй, все проходит. Ничего не поделаешь. Моя нынешняя супруга все прекрасно понимает, даже когда я еду на кладбище, говорит: давай и я с тобой.

— Что случилось с вашей первой супругой?

— У нее произошел разрыв сосуда в мозге. Вот она наклонилась как-то — все, и умерла. Ей было 47.

— Французский брак распался из-за разницы в менталитете?

— Ну Женевьева — творческий человек, художница, нам приятно было вместе. Но вот утром завтракать садимся, она включает музыку, Гайда, что ли. На улице хорошая погода, говорю ей: "Пойдем в парк". Выключает резко: "Я привыкла утром слушать музыку". И все так нервно. На следующее утро: я уже молчу — опять выключает радио: "Почему ты со мной не разговариваешь?" Вот у нее настроение менялось периодически: двадцать минут она добрейшая, потом вдруг бац — сердитая становится, нервная страшно, не тронь ее, не скажи. А потом как-то раз я уехал в Москву, а к Женевьева приехал из Тулузы ее бывший любовник, который когда-то обещал на ней жениться. Сказал, что теперь уж надумал, что бросит ради нее свою семью, двоих детей. Наверное, со мной Женевьева было грустно, скучно, я ведь тогда еще не очень хорошо знал французский, у нас не хватало часто слов, чтобы общаться. А может, тот имел какую-то работу хорошую. В общем, я возвращаюсь, она мне: все, я с тобой жить не буду, я тебе изменила, она мне женился, мы должны срочно развестись. Говорю ей: "Он ведь тебе уже обещал жениться". — "Нет, он решил". — "Но он не как командировочный — тут он решил, а там передумает?" Буквально через три-четыре дня прихожу к ней — вся в слезах. Оказывается, тот француз ей позвонил, сказал, что все-таки не может оставить детей. Женевьева, — говорю, — ну о чем речь? Я тебя могу простить. Мы же взрослые люди, не по 18 лет". — "Нет, я с тобой уже не могу, я тебе изменила".

— Любовь без радости была, разлука будет без печали? Подходит?

— Разлука без печали? Может, и подходит. Но я вот так вспоминаю: ничего плохого у меня к ней не осталось — приятная женщина, экзальтированная такая. Просто несчастный человек. Так ведь и осталась одна.

— Ну а поздняя любовь? Расскажите, как это случается.

— Света преподавала в Институте им.Гнесиных, ну и приходила к моему внуку Ленивому, занималась с ним музыкой. Так и познакомилась. Какое-то время встречались — полгода, может быть. А потом я предложил ей выйти за меня замуж.

— Так все прозрачно?

— Ну как: женщина понравилась. Света музыкант, нам есть о чем поговорить. Она жизнерадостная, веселая, хозяйка хорошая. И такая, знаешь ли, бесхитростная. Это ведь тоже очень важно. Когда я женился на Женевьева, та сразу расставила акценты: это мое, это я записала на себя. Ну чтобы в случае развода себя обезопасить.

— Александр Сергеевич, о работе-то будем говорить или ну ее?

— Нет, работа для меня — самое главное, я люблю свою работу.

— Ну и как в смысле творческих планов на ближайшую пятилетку?

— Может, Хлебниковой Марине песню еще одну напишу. Может, с Соней Ротару у нас получится альбом. Сейчас вроде Угольников будет снимать новую картину, предлагает музыку написать. А так — хочу или мюзикл сделать, или балет.

— Загадывать не боитесь?

— Да нет, в общем-то чувствую себя нормально. Память у меня в порядке, ум. Да и не могу я быть пенсионером: сидеть на лавочке, болтать со стариками. Мне для жизни нужен кислород, и еще работа. Одного кислорода маловато...

Дмитрий МЕЛЬМАН.